

Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу отдельных вопросов теории и практики применения ст. 305 УК РФ. *Цель:* на основе обобщения теоретических положений уголовно-процессуальной науки и практики уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудных судебных актов показать проблемные моменты, влияющие на эффективность защиты интересов правосудия при раскрытии и расследовании данной категории преступлений. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ исследованного материала показал, что уголовно-правовые средства и процессуальные механизмы защиты интересов правосудия нуждаются в совершенствовании. *Выводы:* для повышения защиты интересов правосудия при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 305 УК РФ, требуются ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании судьи; дополнительное исследование вопросов о стадиях совершения данного преступления и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление; выявление его элементов и установление его совокупности с другими должностными преступными деяниями представителей судебной власти; предоставление судейскому сообществу и другим уполномоченным лицам возможности участия в уголовных делах данной категории с целью защиты интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: неправосудный судебный акт; заведомая неправосудность; уголовная ответственность судьи; уголовное преследование судьи; ст. 305 УК РФ; интересы правосудия; преступления против правосудия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Романенко Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Original article

The Interests of Justice as an Object of Criminal Law Protection in a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

NATAL'YA V. ROMANENKO

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of the theory and practice of applying Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Purpose:* based on the generalization of theoretical provisions of criminal procedure science and the practice of criminal prosecution of judges for making knowingly unlawful judicial acts, to show key problematic issues affecting the effectiveness

of protecting the interests of justice in the detection and investigation of this category of crimes. *Methods*: theoretical methods of formal and dialectical logic, historical, comparative legal, empirical methods of description, interpretation; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. *Results*: the analysis of the studied material has shown that criminal law tools and procedural mechanisms for protecting the interests of justice need to be improved. *Conclusion*: in order to enhance the protection of the interests of justice when considering cases of crimes provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to limit the dispositive principle in the criminal prosecution of a judge, to conduct additional research into the stages of committing this crime and the possibility of criminal prosecution for an unfinished crime; to identify its elements and to establish its combination with other official criminal acts of representatives of the judiciary; and to provide representatives of the judicial community and other authorized persons with the opportunity to participate in criminal cases of this category in order to protect the interests of the Russian Federation.

Key words: unlawful judicial act; deliberate unlawfulness; criminal liability of a judge; criminal prosecution of a judge; Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation; interests of justice; crimes against justice.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romanenko N.V. The interests of justice as an object of criminal law protection in a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Статья 305 УК РФ: значимость и применимость

Правосудию в современном мире заслуженно отводится роль одного из самых эффективных способов защиты прав человека, и, по меткому выражению ученых, это «одна из тех высших социальных ценностей, которую человечество могло бы представить в свое оправдание на суде истории» [1, с. 13]. До последнего времени «суд и осуществляемое им правосудие являются одним из востребованных методов разрешения конфликтов на основе норм реального права» [2, с. 47]. Оно охватывает всю без исключения процессуальную деятельность вне зависимости от стадий и вида судопроизводства – «ибо только в таком случае судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, а не ее локальным свойством» [3, с. 46]. Оно является единственным способом реализации судебной власти как одного из видов власти государственной, причем ветви самой дружелюбной к человеку и гражданину, максимально ориентированной на обеспечение его интересов, в том числе от злоупотреблений представителями других ее ветвей.

Поэтому объяснимо, что его собственные интересы подлежат особой правовой охране, в том числе и силами уголовного закона, избравшего для таких целей в качестве щита гл. 31 УК РФ. Сегодня в ней содержится более двух десятков статей, в которых обозначены уголовно наказуемые деяния, посягающие на нормальное решение судом стоящих перед ним задач. Эти статьи «адресованы» самой разнообразной аудитории – от рядовых лиц, даже не вовлеченных в судопроизводство, до профессиональных его участников – следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов. Одна из них выделяется своим особым положением – это ст. 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»).

Данная статья уникальна как по кругу субъектов (ибо предназначена только для «элиты» правоприменителей – самих вершителей правосудия), так и по порядку ее применения (которое в силу их особого

конституционно-правового статуса осуществляется всегда в особой процедуре, с учетом положений, предусмотренных гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»). Указанное преступное деяние предусмотрено только для судей и квалифицируется отдельно от других совершаемых ими должностных преступлений (например, злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или их превышения (ст. 286 УК РФ), получения взятки (ст. 290 УК РФ), посредничества во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ)), которые рассчитаны на более широкий круг субъектов. Заметим, что далеко не все должностные лица – прокуроры, адвокаты, депутаты, министры, нотариусы, уполномоченные и пр. – могут «похвастаться» наличием такого исключительного состава, предусмотренного только для них и ни для кого более.

«Элитарность» данной статьи обуславливает ее особое положение в ряду других статей УК РФ и нечастое по сравнению с ними применение. Для составления полного и объективного представления об особенностях уголовно-правовой охраны интересов правосудия как объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, нами было проведено самостоятельное исследование, результаты которого регулярно дополняются и частично излагались ранее [4; 5]. Исследовались материалы, содержащие свыше ста случаев уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудного судебного акта в период 2002–2024 гг., начиная с момента инициации – получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи в квалификационной коллегии судей, в том числе 55 постановленных в отношении судей приговоров по ст. 305 УК РФ. Основное исследование проводилось в рамках работы над диссертацией по теме «Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации». Как показывает практика, случаи уголовного преследования судей

за вынесение заведомо неправосудных судебных актов встречаются примерно 3–5 раз в год, при этом, по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество осужденных по ней лиц еще меньше – 1–2 приговора в год. Конечно, это ничтожно малое количество по сравнению, например, с кражами, мошенничествами, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и пр., которых ежегодно в нашей стране совершаются десятки тысяч. В этой связи в теории и на практике нередко высказываются мнения о неприменимости ст. 305 УК РФ: «реальная практика применения данной нормы практически отсутствует» [6, с. 4], «статистика преступности в сфере правосудия свидетельствует о незначительной доле этих преступлений в общей совокупности преступности» [7, с. 4].

С мнением о бесполезности данной статьи трудно согласиться. Да, ст. 305 применяется намного реже, чем даже другие статьи гл. 31 УК РФ. Но подчеркнем, что ее применение не должно идти в сравнение с применением других, «массовых», статей УК РФ хотя бы из-за малочисленности субъекта преступления (доля судейского корпуса, без учета судей в отставке, по данным федеральных законов 2019–2023 гг. о федеральном бюджете на соответствующие календарные годы, от 29.12.1999 № 218-ФЗ об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации, в среднем сегодня составляет около 40 тыс. чел., то есть менее одного процента от всего населения страны). При этом следует учитывать не только количество постановленных по ст. 305 УК РФ приговоров, но и количество случаев иного завершения уголовного преследования (например, прекращения уголовного дела за давностью, по амнистии, в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием), а также случаев его неудавшейся инициации (отказа квалификационной коллегии судей в даче согласия на возбуждение уголовного дела в соответствии с положениями ст. 448 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», например, за отсутствием заведомого умысла в деянии судьи), что также часто встречается. По мнению ученых, «уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных решений реализуется далеко не всегда» [8, с. 22].

О повышенной значимости указанного посяательства для государства говорит и сам факт существования уголовной ответственности за вынесение неправосудных судебных решений во всех ранее действовавших образцах отечественного уголовного закона (ст. 114 УК РСФСР 1926 г., ст. 111 УК РСФСР 1922 г, ст. 177 УК РСФСР 1960 г.), где предусматривалась аналогичная сегодняшней ответственность судей за данное преступление. Но при этом в первых редакциях вместо условия заведомости эта статья устанавливала наличие у судей корыстной или иной личной цели, а также предусматривала более тяжелые санкции – «вплоть до расстрела».

Полагаем, что сколько веков существует само правосудие, столько же существует и антиправосудие, одним из первых примеров которого можно выделить

эпизод с Понтием Пилатом, принявшим «решение не по своему личному убеждению, а по настоянию толпы, требующей крови и казни» [3, с. 45]. Попытки недобросовестных сторон и некоторых судей «прогнать правосудие под себя» всегда были, есть и будут, и потому очевидно, что стражем надлежащего соблюдения интересов правосудия ст. 305 УК РФ должна оставаться всегда, выступая когда-то незримым, а когда-то вполне осязаемым хранителем его хрупкой сущности. Однако это не значит, что, хотя она изначально и не рассчитана на массовое использование, применение ее положений не сталкивается с проблемами. Многие из них связаны, по мнению ученых, с тем, что «в теории и практике не выработано научно обоснованных критериев квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ» [6, с. 4]. К сожалению, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» обошел вниманием ст. 305 УК РФ [9, с. 268], очевидно, с учетом все тех же незначительных статистических показателей ее применения, которые не являются показателями ее реальной востребованности.

Можно отметить тенденцию последних лет, связанную со снижением количества выявляемых преступлений, предусмотренных ст. 305 УК РФ (в 2002–2015 гг. среди всех должностных преступлений судей оно занимало лидирующую позицию, составляя примерно 80 %). Сегодня же среди представителей судейского корпуса существенно увеличивается доля преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Но не думаем, что это связано с тем, что неправосудных решений стало выноситься меньше. Ученые, рассуждая в целом о направленных против правосудия преступлениях, отмечают их очень высокий уровень латентности («еще большее количество лиц, совершивших подобные деяния, остается вне поля зрения правоохранительных органов, так как данные преступления традиционно принято считать высоколатентными» [8, с. 22; 10, с. 6], «в действительности незаконных арестов, задержаний, вынесения неправосудных приговоров и пр. в реальности несравненно больше» [11, с. 602]), объясняя это рядом криминологических причин (эти преступления «не регистрируются, уголовные дела не возбуждаются и виновные часто остаются безнаказанными... доказать факт нарушения закона судьей очень трудно, а иногда и невозможно... даже зарегистрированные преступления сотрудников правоохранительных органов весьма редко передаются в суд, дело обычно ограничивается дисциплинарным взысканием или увольнением со службы... это объясняется как корпоративной, ложно понимаемой “солидарностью” юристов, снисходительно относящихся к нарушению законности своими коллегами, так и более опасными причинами: личными знакомствами в руководящих кругах, подкупом должностных лиц, криминальными связями» [11, с. 602]). Соглашаясь в целом с этими утверждениями, отметим, что с процессуальной точки зрения эти тезисы требуют более детальной аргументации.

Процессуальные механизмы защиты интересов правосудия

Одним из процессуальных способов защиты является возможность участия в деле в качестве потерпевшего со всеми правами, предоставляемыми ст. 42 УПК РФ. Однако данная статья не предусматривает возможности признания потерпевшим по уголовному делу публичных элементов, например Российской Федерации как носителя, чьим именем постановлен неправомерный судебный акт и чьим интересам вред причинен в первую очередь, а также не гарантирует участия в деле ее представителей (традиционно ими выступают органы прокуратуры). Формально потерпевшими в таких делах чаще всего признаются частные лица – физические или юридические, интересы которых непосредственно ущемлены неправомерным судебным актом. Как правило, это участники, не уведомленные о рассмотрении дела, не извещенные надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, чьи права и интересы затронуты судебным актом, лишившиеся собственности, привлеченные к административной ответственности и др. Не бывает представителей потерпевших и от лица судейского сообщества, на чьи органы – советы, квалификационные коллегии судей и пр. – законом возложена задача утверждения авторитета судебной власти, обеспечения выполнения судьями требований, предъявляемых Кодексом судейской этики (п. 4 ст. 4 Российской Федерации от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»). А ведь авторитету судебной власти преступлением судьи, предусмотренным ст. 305 УК РФ, наносится тяжелейший ущерб:

– «указанные умышленные действия судьи Л. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти Российской Федерации, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново);

– «своими действиями судья Е. дважды грубо нарушила указанные выше нормы гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, подорвала авторитет судебной власти в государстве, нарушила нормальную работу органов правосудия, а также причинила вред законным интересам лиц в гражданском процессе» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2007 № УКПИ07-2 в отношении Е., судьи Трусовского районного суда г. Астрахани);

– «указанные умышленные действия судьи Х. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в причинении ущерба репутации судьи, дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов, что способствовало формированию в обществе негативного отношения к суду и судейской профессии»

(решение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № АКПИ23-732, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № АПЛ23-475 в отношении Х., мирового судьи судебного участка № 33 в границах административно-территориального образования г. Великие Луки Псковской области);

– «судья А. предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка осуществления судьей своих служебных полномочий по осуществлению правосудия и формирования у С. убеждения о коррумпированности органа судебной власти, подрыва авторитета и дискредитации последнего... Своими действиями судья А. существенно нарушил... охраняемые законом интересы государства, поскольку подорвал авторитет судебной власти, дискредитировал статус судьи и пренебрег присягой судьи» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2023 № АКПИ23-683, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 № АПЛ23-420 в отношении А., судьи Майкопского городского суда Республики Адыгея), и пр.

Трудно согласиться с тем, что формирование в обществе негативного мнения о судебной власти в государстве является «необоснованным домыслом обвинения, поскольку суду не представлено никаких доказательств того, что умышленно допущенные нарушения закона мировым судьей Ф. были преданы огласке среди населения и население выразило мнение о своем негативном отношении к судебной власти в стране» (приговор Тюменского областного суда от 30.07.2014 № 2-28/2014 в отношении Ф., мирового судьи судебного участка № 5 г. Тобольска). Каждый случай уголовного преследования судьи за любое преступление – это феномен, который всегда вызывает широкий общественный резонанс, воспринимается болезненно как нечто экстраординарное, требующее незамедлительного и адекватного реагирования, хотя население, как правило, и не выражает это активно (митингами, пикетами, протестами и пр.).

Другим способом защиты уголовно-правовых интересов является возможность обжалования судебного акта, затрагивающего интересы конкретного субъекта, даже если он не был привлечен к участию в деле. В соответствии с положениями процессуального законодательства к субъектам обжалования, помимо непосредственных участников правового спора, относятся также «иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы». В различных видах судопроизводства (ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ, ст. 320, 376, 391.1 ГПК РФ, ст. 295, 318, 332 КАС РФ, ст. 42, 257, 273, 308.1 АПК РФ) они называются по-разному:

– «лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»;

– «другие лица, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями»;

– «лица, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»;

– «другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами»;

– «лица, не участвовавшие в деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт».

Однако представители Российской Федерации либо судейского сообщества ни в одной из перечисленных статей не указаны прямо в числе субъектов апелляционного, кассационного или надзорного обжалования приговоров, постановленных по ст. 305 УК РФ за вынесение неправосудных судебных актов по уголовным, гражданским, административным, арбитражным делам.

Наконец, еще одним способом защиты публичных интересов (в том числе интересов правосудия) является право на обращение в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям. Ими наделены органы прокуратуры, которые уполномочены на совершение подобных действий в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, ч. 1 ст. 39 КАС РФ, ч. 1 ст. 52 АПК РФ. Сложно представить, в каком размере денежного эквивалента вред, причиненный авторитету судебной власти, может быть компенсирован судьей, осужденным за совершение преступления, в том числе предусмотренного ст. 305 УК РФ. На практике иски о возмещении вреда, причиненного Российской Федерации вследствие умаления интересов правосудия, авторитета судебной власти, заявленные к осужденным по ст. 305 УК РФ судьям в ее интересах органами прокуратуры, также не встречаются.

Таким образом, процессуальные механизмы защиты интересов правосудия – основного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, представляются сегодня довольно абстрактными.

Структура объекта преступного посягательства и характеристика его цели

Требуется уяснения также объект преступного посягательства, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с учетом того что в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации об этом не сказано («авторы разъяснений оказались столь искусными юристами, что смогли охарактеризовать составы преступлений, не упоминая объекта, против которого они направлены» [1, с. 14]).

Традиционно учеными в данном преступлении выделяются два объекта посягательства – основной и дополнительный. К основному относятся общественные отношения, обеспечивающие решение судом стоящих перед ним задач правосудия, к дополнительному – права, свободы и законные интересы сторон [12, с. 221; 13, с. 429]. Подчеркнем, что именно такая расстановка акцентов следует из сформулированной законодателем конструкции и расположения данной статьи: состав помещен именно в гл. 31, а, например, не в гл. 19 УК РФ («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), где бы он мог звучать как «Нарушение права на судебную защиту путем вынесения судьей неправосудного судебного акта», то есть законодатель отводит интересам правосудия безусловный приоритет перед интересами личности.

В принципе, это характерно для всех статей гл. 31 УК РФ и для многих статей других глав кодекса. В то же время этот приоритет обособляет правосудие как объект уголовно-правовой охраны от государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступления против которых сосредоточены в гл. 30 УК РФ. Это выглядит логично с учетом того, что судья как субъект преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, государственным служащим не является, а занимает государственную должность – федеральную либо субъекта РФ. Однако при этом отмечается смешение объектов уголовно-правовой защиты всего раздела X («Преступления против государственной власти») и входящей в него гл. 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), из наименования которой упоминание о государственной власти следовало бы исключить. Также следствием этого является возможность установления совокупности преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с преступлениями, предусмотренными в гл. 30 УК РФ.

Следует отметить, что участники процесса, будучи недовольными судебным решением, в любом случае стремятся обвинить судью в пристрастности, умышленном характере его неправомерных действий. При таких условиях справедливым выглядит утверждение, что «любое лицо, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом, следовательно, имело место совершение преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ» [14, с. 101]. Поэтому повышенный стандарт доказанности, обеспечиваемый признаком заведомости (по мнению ученых, этот признак обязывает правоприменителя установить не просто умысел, а «предшествующую ему осведомленность обвиняемого о каком-либо значимом обстоятельстве» [15, с. 73]), выглядит оправданно. Кроме того, отмеченная выше расстановка акцентов в диспозиции ст. 305 УК РФ и приоритет интересов правосудия над частными интересами участников судопроизводства не позволяют говорить о возможности уголовного преследования судьи за любое решение, которым оказывается недовольна одна из сторон.

Законодатель сегодня отказался от формулировки цели как необходимого признака данного преступления, освободив правоприменителя от необходимости ее выявления. Как видится, это является одним из серьезных упущений, поскольку от цели совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, зависит, надо ли выявлять в деянии судьи признаки других преступлений. Практика показывает, что цель совершения данного преступления в подавляющем большинстве случаев (около 80 %) корыстная [об этом мы также писали ранее – 16–18] (предполагается непосредственное получение вознаграждения в виде денежного эквивалента – взятки), то есть подкуп как основной способ оказания влияния на судью делает преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, преступлением коррупционной направленности [19,

с. 338] (последняя охватывает лишь те должностные преступления, совершение которых обуславливается подкупом должностных лиц). Это же подтверждается исследованиями других ученых: «мотивы вынесения заведомо неправосудных судебных актов в подавляющем большинстве случаев основаны на материальных потребностях субъектов (в том числе потребности в систематическом повышении уровня своего благосостояния, а также в стабильном заработке)» [8, с. 23; 20, с. 78]; «в случаях вынесения заведомо неправосудных судебных актов преобладают личные мотивы, связанные в большинстве случаев с коррупцией, с просьбами “высоких покровителей” виновных или с близкими отношениями с представителями преступного мира (что большей частью остается в тени)» [11, с. 604]. То есть в данном случае в деянии судьи должна усматриваться совокупность преступлений, предусмотренных ст. 305 и 290 УК РФ, а если при этом использовался поддельный протокол судебного заседания, которого в действительности не проводилось, то еще и ст. 292 УК РФ.

Кроме корыстной, возможна и иная личная заинтересованность. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также п. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами. Применительно к рассматриваемому преступлению это различного рода зависимость судьи от участников спора в силу ранее оказанных ими услуг, связанность определенными обязательствами перед ними, чувством невыплаченного долга и др. – и, как следствие, желание угодить, отблагодарить, воздать должное. Данный характер зависимости свидетельствует о наличии в деянии судьи признаков совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 и 285 (286) УК РФ (а также при наличии поддельного протокола дополнительно ст. 292). И лишь примерно в каждом десятом случае вынесение неправосудного судебного акта обусловлено исключительно ненадлежащей организацией работы, оно совершается с целью не допустить дальнейшего затягивания сроков рассмотрения дел, сократить количество находящихся в производстве дел, скрыть небрежность в своей работе и улучшить ее показатели во избежание неблагоприятных дисциплинарных последствий (в данном случае ст. 305 УК РФ применяется в «чистом виде» или в совокупности только со ст. 292 УК РФ).

Взаимообусловленность деяний, предусмотренных ст. 305 и 290 (а также 285, 286, 292 УК РФ) представляется очевидной, а установление этой взаимосвязи и назначение более строгого наказания за совокупность преступлений – необходимым условием надлежащей охраны интересов правосудия. Однако, не

будучи обязательно выявляемой, цель вынесения неправосудного судебного акта при расследовании данного преступления выявляется не всегда, и совокупность этого преступления с другими зачастую не устанавливается.

Ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании по ст. 305 УК РФ

Присутствие интересов правосудия – максимальной абстрагированной категории, ориентированной на неограниченный круг лиц, «целью которых является защита прав и свобод человека и гражданина» (обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2019 № АКПИ19-35 и др.) – дополнительно сужает возможность реализации диспозитивного начала, и без того ограниченного в уголовном судопроизводстве, например примирения обвиняемого с потерпевшим. Оно допускается по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые (что вполне подходит под параметры деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ), и организуется только между судьей и потерпевшими – частными лицами: «Потерпевший полагает указанный приговор незаконным, так как в ходе судебного разбирательства не исследовались доказательства, он не был допрошен как подсудимый, не проводились прения сторон, ему не предоставлено право обратиться к суду с последним словом, приговор не провозглашался, в судебных заседаниях участия он не принимал. Но впоследствии судьей Л. ему в полной мере возмещен моральный вред в сумме 70 000 рублей, от исковых требований он отказывается» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново).

Этический аспект примирения вследствие возмещения в виде денежного эквивалента вреда, причиненного актом неправосудия, весьма сомнителен. И если потерпевший может определить достаточный для себя размер, исходя из собственного уровня притязательности и представлений о справедливости, то кто и в каком размере может определить размер морального вреда, причиненного Российской Федерации, и как судья, заглаживая вред, должен извиняться перед ней? Очевидно, что ответов на эти вопросы нет. Поэтому такое примирение больше напоминает «отступное» за легализацию преступного поведения представителя публичной власти по отношению к человеку и гражданину, за поправное право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации, чем достижение легитимного компромисса между равными сторонами уголовного-правового спора.

Цена сделки с правосудием, в каком бы размере она не назначалась, выглядит весьма цинично: «В ходе следующей встречи судья Г. пояснил ему, что он может вынести решение в пользу С., однако для этого ему необходимо передать 2 000 000 рублей, что являлось ценой за вынесение незаконного и неправосудного решения» (приговор Пролетарского районного суда Ростова-на-Дону от 19.07.2024 № 1-13/2024 в от-

ношении Г., судьи Темрюкского районного суда Краснодарского края).

Таким образом, возможно, удовлетворяя интересы дополнительного объекта преступного посягательства, такое примирение никак не компенсирует интересы основного объекта – правосудия, и даже при выполнении всех формальных условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, лишь подчеркивает его неуместность. Поэтому полагаем, что специфика объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, должна влечь прямой запрет прекращения дела за примирением, деятельным раскаянием, судебным штрафом и по любым другим компромиссным основаниям. Позитивное посткриминальное поведение, которое требуется в большинстве этих случаев, может служить лишь смягчающим обстоятельством и уменьшить размер ответственности, но не освободить от нее.

Выявление интересов правосудия как объекта преступного посягательства в каждом преступлении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий

Не всегда интересы правосудия как объект преступного посягательства устанавливаются в преступном поведении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий. Конституционный Суд Российской Федерации в известном постановлении от 18.10.2011 № 23-П («По делу о проверке конституционности положений ст. 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко») подчеркнул, что преступлению, предусмотренному ст. 305 УК РФ, как правилу, сопутствует ряд других преступлений («Мошенничество» (ст. 159), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285), «Превышение должностных полномочий» (ст. 286), «Получение взятки» (ст. 290)). С одной стороны, это говорит о том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, крайне редко совершается как единичное, само по себе. Как справедливо отмечается учеными, многие незаконные действия «связаны с получением или покушением на получение взятки (главным образом за обещание прекратить уголовное дело, вынести оправдательный приговор, удовлетворить незаконное исковое требование и т. п.)» [11, с. 603]. При этом Верховный Суд Российской Федерации в определении от 09.12.2013 № 24-Д13-9 уточнил, что перечень приведенных выше Конституционным Судом Российской Федерации составов преступлений не является исчерпывающим, то есть отмеченные преступления совершаются в дополнение к вынесению заведомо неправосудного судебного акта чаще всего (хотя и не обязательно только они).

С другой стороны, вся противоправная деятельность, которая инициируется вокруг судьи, в связи с его служебными полномочиями, так или иначе ориентирована на принятие им неправосудного судебного акта. Судья, в соответствии со своим конституционно-правовым статусом, наделен только одной публичной функцией, направленной на реализацию су-

дебной власти, отправлением правосудия (в отличие, например, от сотрудника прокуратуры, в арсенале которого в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» насчитывается более десяти властно-распорядительных полномочий надзорного и ненадзорного характера). Поэтому судья представляет собой объект преступного интереса не за «общее покровительство» или «общее попустительство», а лишь в связи со своей возможностью, злоупотребив должностными полномочиями, превысив их или действуя в соответствии с ними, принять решение в пользу того или иного участника процесса. Причем эти действия могут быть связаны как непосредственно с принятием судебного акта в рамках конкретного уголовного, гражданского или административного дела, находящегося в производстве судьи, так и с некоторыми организационными действиями, например, направленными на принятие дела к своему производству: «Адвокат К. обратилась к судье К. с предложением признать недопустимыми доказательствами первоначальные протоколы допросов Х. в качестве подготавливаемого и обвиняемого, в которых тот изобличал Д. в совершении преступлений... на что судья К. согласился, потребовав денежные средства в сумме 13 000 000 руб., из которых в сумме 4 000 000 руб. являлись гарантом принятия им уголовного дела к своему производству» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

Именно эта возможность притягивает к судье определенную категорию недобросовестных лиц, превращая его в «орудие» совершения преступления. В противном случае все преступное общение с судьей лишено какого-либо смысла. В одних ситуациях данные лица – представители сторон, адвокаты, просто знакомые, знакомые знакомых и пр. – могут склонять судью к противоправным действиям путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения или оказания иного давления, но чаще всего путем подкупа, обещания ему вознаграждения в той или иной незаконной форме (например, предлагая взятку). Иногда сам судья, не обладая необходимыми моральными качествами, может предложить это представителям сторон, например вымогать взятку (решение Квалификационной коллегии судей Свердловской области от 05.06.2018 об отставке судьи Арбитражного суда Свердловской области Г., решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 28.11.2018 о даче согласия на возбуждение уголовного дела, решение Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № АКПИ19-71, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2019 № АПЛ19-153).

Признаки обусловленности взятки вынесением неправосудного судебного акта достаточно очевидны:

– «за полученную от Д. взятку судья Г. вынес по делу определение о введении процедуры наблюдения в отношении ООО и об утверждении временным управляющим П. и огласил его резолютивную часть, а затем изготовил в полном объеме данное (моти-

вированное) определение» (приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 11.04.2023 № 1-6/2023 в отношении Г., судьи Арбитражного суда Алтайского края);

– «судья А. предложил П. передать ему 100 тысяч рублей за вынесение решения об удовлетворении искового заявления. А. поставил условие, что положительное решение по иску будет вынесено после получения им в полном размере взятки. При таких обстоятельствах рассмотрение гражданского дела было отложено» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2011 № УКПИ11-10 в отношении А., судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону);

– «судья К. в результате неоднократных переговоров... согласился на предложение. Таким образом, у него возник преступный умысел: признать недопустимыми доказательствами протоколы допроса Д. в качестве подозреваемого и обвиняемого, прекратить уголовное преследование А. и Д. в части совершения ими преступлений в составе организованной группы, квалифицировав их деяния как совершенные группой лиц по предварительному сговору, назначить минимально возможное наказание А. и Д. при отсутствии на то законных оснований, за что потребовал взятку в виде денег в сумме 13 000 000 руб., что является особо крупным размером» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

В теории и практике устойчивым является мнение о необходимости установления в этих деяниях совокупности преступлений: «если вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или другого судебного акта связано с получением взятки, рассматриваемое общественно опасное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 УК и ст. 290 УК РФ» [21, с. 101]. Однако при этом получение взятки (ст. 290 УК РФ) идет основным составом (ежегодные отчеты о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания, отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам) (то есть деянием, которое было бы совершено в любом случае), а вынесение неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ) – дополнительным (то есть совершенным факультативно, которое могло бы быть, а могло и нет). Ученые определяют данную квалификацию как факультативную, надстроечную, необязательную: «дополнительная квалификация происходит тогда, когда уже установлено, что содеянное предусмотрено определенными составами преступления (определенным составом преступления), но этого еще недостаточно, чтобы дать окончательную уголовно-правовую оценку содеянного» [22, с. 119; 23].

Преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, не всегда является окончательным к моменту получения взятки или хотя бы ее части: достаточно часто стороны договариваются о полностью авансовой схеме – сначала вносится весь платеж незаконного вознаграждения,

а уже после полного расчета судья выполняет достигнутую договоренность и постановляет решение в интересах взяткодателя. Вследствие этого состав преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выявляется не всегда, а значит, и совокупность преступлений в деянии судьи также не устанавливается. Как видится, это упущение является прямым следствием практической невозможности уголовного преследования за неоконченное преступление по ст. 305 УК РФ (см. ниже), а также дополнительного характера квалификации деяния, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и обеспечивает ненадлежащий уровень защиты интересов правосудия.

Неочевидность совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ

Уголовное преследование судьи по любому преступлению отягощено процессуальными сложностями, предусмотренными гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации». При преследовании по ст. 305 дополнительно в качестве осложняющих элементов добавляются условия неочевидности данного преступления. Ведь внешне все выглядит благополучно: судья занимается текущей повседневной работой – изучает материалы дел, проводит судебные заседания, дает поручения сотрудникам аппарата о подготовке запросов, уведомлений, извещений сторон, проектов документов, выносит и оглашает судебные акты и др. Да, возможно, к нему в кабинет заходят какие-то люди – участники спора, представители прокуратуры и адвокатуры, посетители, о чем-то они разговаривают за закрытыми дверями, наедине, но это в принципе не преступно. Нет насилия, угроз, незаконного проникновения в чужие помещения, нарушения общественного порядка, выражения неуважения к обществу и пр., то есть способ его совершения неочевиден. И лишь в случае задержания на месте преступления сотрудниками правоохранительных органов в ходе оперативного эксперимента становится известно о том, что эта благообразная с виду деятельность носила преступный характер.

Но такое бывает чаще всего при задержании в момент передачи предмета взятки или иного незаконного вознаграждения, то есть при совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 или 290 УК РФ. Отметим, что способ получения незаконного вознаграждения до настоящего времени чаще всего остается традиционным – передача наличных, при которой преступление пресекается, и в дальнейшем собирание доказательств тоже ориентировано на указанные составы преступлений. Помимо показаний свидетелей – взяткодателей, ими являются следующие доказательства:

– постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»; рапорты о его результатах, согласно которым получены сведения о наличии в действиях судьи состава преступления; постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей; постановления о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности органа дознания, следователю или в суд; заявления лиц о

добровольном согласии на участие в оперативно-розыскных мероприятиях в целях выявления и пресечения преступной деятельности судьи;

- показания сотрудников ФСБ, участвовавших в задержании; показания присутствовавших при задержании понятых и представителей общественности;

- протоколы осмотров мобильных устройств, электронных носителей аудио- и видеозаписей переговоров о взятке, детализаций звонков с абонентских устройств, флэш-накопителей с записью камер видеонаблюдения;

- акты осмотра, обработки и выдачи денежных средств и муляжей денежных средств, протоколы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с изъятием документов, предметов и материалов;

- заключения экспертиз (фоноскопических, лингвистических, криминалистических).

Материалы, которыми оформляется задержание с поличным, становятся одним из основных доказательств по ст. 290 или 159 УК РФ, но они не могут подтвердить вынесение неправосудного судебного акта. Не исключено, конечно, определенное пересечение доказательственных средств, но при этом невозможно использовать заложенный в институте задержания мощный ресурс внезапности, рассчитанный на неготовность контролируемого лица к вмешательству правоохранительных органов и его захвату с поличным. Отсюда складывается специфический набор доказательственных средств, применяемых при раскрытии и расследовании преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. В данной ситуации требуются иные средства доказывания: ими становятся показания (участников процесса, работников аппарата суда, председателя суда, других судей), протоколы осмотров документов, материалы находящиеся в производстве уголовных, гражданских, административных дел, а также иные документы – акты о назначении судьи на должность, о присвоении ему квалификационного класса, о прекращении его полномочий, акты вышестоящих судов об отмене принятого им судебного решения как неправосудного. Важным источником доказательств является сам протокол судебного заседания, которое в действительности не проводилось, – его можно расценить как вещественное доказательство.

Их собирание осуществляется несколько иначе, нежели собирание доказательств, изобличающих в получении взятки или иного незаконного вознаграждения. Как правило, здесь нет необходимости проводить обследования и обыски в служебных и жилых помещениях судьи, прослушивать его телефонные переговоры. Нельзя застичь судью в момент вынесения неправосудного судебного акта (особенно с учетом отсутствия однозначно определенного момента его вынесения). Практически ни одно из перечисленных выше доказательств не является прямым, а потому они должны собираться в достаточной совокупности. Однако в условиях ограниченности применяемого к судьям принуждения это собирание затруднено, и впоследствии, при оформлении пред-

ставления Председателя Следственного комитета Российской Федерации в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела, материалы, подтверждающие получение незаконного вознаграждения, предоставляются в достаточном объеме, а материалы, подтверждающие, что вознаграждение предлагалось за принятие неправосудного решения, и какого именно, по какому производству, в чью пользу, как правило, отсутствуют.

В большинстве ситуаций при их расследовании, если ст. 305 УК РФ идет не основным, а дополнительным составом, вопрос о возможности такой связи (совокупности) не исследуется вообще:

- Б. сообщил, что в случае вынесения решений, смягчающих уголовную ответственность, он готов передать судье денежное вознаграждение. В связи с вышеизложенным судья Т. решил получить через посредника взятку в особо крупном размере от родственников Б. за совершение входящих в его полномочия действий в интересах последнего. Судья Т. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Красноярского краевого суда от 29.12.2022 № 2-26/2022 в отношении Т., заместителя председателя Советского районного суда г. Красноярска);

- Д. в ходе неоднократных встреч с судьей С., с которым он поддерживал доверительные отношения, обращался к нему с просьбой об оказании содействия в решении вопроса о вынесении Волжским районным судом г. Саратова оправдательного приговора в отношении своего знакомого. С. решил создать уверенность в том, что он в связи с занимаемой им должностью судьи может, используя свое служебное положение, способствовать вынесению такого приговора за передачу ему денежных средств в сумме 15 млн. руб. Судья С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Пензенского областного суда от 21.03.2019 № 2-04/2018 в отношении С., судьи Саратовского областного суда);

- у судьи К. возник преступный умысел обеспечить вынесение определения об отказе в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, поступившего в Арбитражный суд г. Москвы, за денежное вознаграждение. Судья К. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Симонковского районного суда г. Москвы от 12.07.2022 № 1-102/22 в отношении К., судьи Арбитражного суда г. Москвы);

- в производство судьи Р. поступило арбитражное дело по исковому заявлению «АР» к ООО «РБ». В период подготовки к рассмотрению данного арбитражного дела у него возник умысел на получение взятки за вынесение решения об отказе в удовлетворении исковых требований. Судья Р. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Краснодарского краевого суда от 23.09.2015 № 2-29/2015 в отношении Р., судьи Арбитражного суда Краснодарского края).

В подобных случаях уголовное преследование по ст. 305 УК РФ оказывается в прямой зависимости от волеизъявления или возможностей правоохранительных органов, превращается в некое подобие частного обвинения: если есть достаточные данные – уголовное преследование состоится и согласие на

возбуждение уголовного дела у квалификационной коллегии судей будет испрашиваться, если нет – следственные органы ограничиваются лишь преследованием за получение взятки (мошенничество). Следует отметить, что разграничение ответственности судьи между ст. 290 и 159 УК РФ здесь проходит в зависимости от того, находилось ли дело, за решение по которому судья получил или намеревался получить незаконное вознаграждение, в его производстве. Если да, то есть судья имел реальную возможность законными или незаконными действиями такое решение принять, то он подлежит ответственности по ст. 290 УК РФ. Если судья путем обмана или злоупотребления доверием получил вознаграждение за содействие таким действиям, которые он не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения (дело находилось в производстве других судей, в том числе в суде вышестоящей инстанции, а он лишь обещал «помочь с решением вопроса»), содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (см. п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Однако объекты уголовно-правовой охраны здесь различные, и интересы правосудия ни ст. 290, ни тем более ст. 159 УК РФ, помещенной даже в другой раздел УК РФ – «Преступления в сфере экономики», не защищены. Кроме того, о необходимости ограничивать диспозитивное (частное) начало при преследовании за посягательство на интересы правосудия мы уже говорили выше.

Отсюда следует, что интересы правосудия требуют дополнительно выявлять и устанавливать признаки преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в любом преступном деянии судьи, связанном с исполнением должностных полномочий.

Ответственность за неоконченное деяние, предусмотренное ст. 305 УК РФ: возможна ли?

Другая причина того, что вынесение неправосудного судебного акта при наличии очевидных признаков данного преступления в вину судье не вменяется, в том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, как было отмечено выше, нередко до конца не доводится. Это может быть связано с пресечением получения незаконного вознаграждения, которое предназначалось судье за принятие незаконного решения. Но тогда ответственность за него должна наступать как за неоконченное деяние.

Однако вопрос об установлении стадии преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, ни в теории, ни на практике не рассматривается, хотя сам по себе умышленный характер данного деяния его не исключает. Отметим, что умысел судьи на принятие неправосудного судебного решения зарождается во время первых договоренностей со сторонами; конкретизируется при обсуждении «деталей» – сроков, сумм, способов возмещения вреда и пр., при принятии от участников без должной требовательности и в нарушение инструкций фиктивных документов и т.п.;

реализуется при распечатывании текста судебного решения, удостоверении его своей подписью и печатью суда; завершается при изготовлении, заверении и выдаче сторонам (исполнителям) копий незаконного судебного решения, даче поручений работникам аппарата изготовить задним числом подложный протокол судебного заседания и пр.

Например, «В период до 19 сентября к мировому судье А. обратилось неустановленное лицо с просьбой в нарушение установленного законом порядка признать гражданку В. собственником автомашины марки «БМВ Х5»... А., осознавая незаконный характер просьбы... ответил согласием, после чего получил сфальсифицированное исковое заявление... Подсудимый 19 сентября умышленно, с целью последующего вынесения заведомо неправосудного решения... вынес незаконное определение о принятии искового заявления к своему производству, возбуждая гражданское дело № 2-468... В тот же день, продолжая реализацию умысла на вынесение заведомо неправосудного решения... минуя обязательную стадию подготовки дела к разбирательству... вынес незаконное определение о назначении дела к судебному разбирательству... 24 сентября, реализуя умысел на вынесение заведомо неправосудного решения... вынес заведомо неправосудное решение, которым иск удовлетворил... В период с 24 сентября по 10 октября подсудимый изготовил копию заведомо неправосудного решения от 24 сентября по гражданскому делу № 2-468, снабдив ее личной подписью и оттиском печати мирового судьи, после чего передал неустановленному лицу для последующего предъявления в органы ГИБДД и регистрации транспортного средства» (приговор Свердловского областного суда от 27.07.2007 № 2-77/07 в отношении А., мирового судьи судебного участка № 2 Нижнесергинского района Свердловской области).

Конечно, эти обстоятельства в первую очередь характеризуют субъективную сторону – умысел, определяя его как заранее обдуманный (в отличие от возникшего внезапно) и конкретизированный (в отличие от неопределенного) [24, с. 90–92], но также говорят и о том, что планирование вынесения неправосудного судебного акта начинается задолго до его подписания, а само вынесение не случается одномоментно. Однако в уже отмеченном нами ранее постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу С. Л. Панченко была высказана правовая позиция, установившая недопустимость уголовного преследования судьи по ст. 305 УК РФ, если вынесенный им судебный акт вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный. Впоследствии эта позиция была отражена и в уголовно-процессуальном законодательстве: ст. 448 УПК РФ была дополнена частью восьмой аналогичного содержания (Федеральный закон от 05.04.2013 № 54-ФЗ). Ею была окончательно разрушена возможность выделения стадий преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и привлечения к ответственности за приготовление к нему (по ч. 2) или покушение на него. Отметим, что ни в одном из исследованных нами случаев деяние, предусмо-

тренное ст. 305 УК РФ, не было квалифицировано со ссылкой на ст. 30 УК РФ (ни до 2011 г., ни тем более после), хотя предполагаем, что в такой ситуации случаев применения ст. 305 УК РФ было бы намного больше и сама дискуссия о ее «мертвом» характере сошла бы на нет.

Но если принятие судебного акта не было завершено по не зависящим от судьи причинам (например, в силу задержания на месте получения взятки за вынесение неправосудного судебного акта) либо уголовное преследование не инициировалось в силу процессуальных сложностей, особенностей доказывания и пр., то эти действия, направленные против интересов правосудия, остаются безнаказанными.

Заключение

Полагаем, что интересы правосудия как основного объекта уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном ст. 305 УК РФ, требуют более взвешенного подхода в правоприменительной деятельности: ограничения диспозитивного начала, дополнительного исследования вопросов о его стадиях и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление, об установлении его совокупности с другими должностными преступными

деяниями, возможности участия в их защите представителей судебного сообщества и другим уполномоченным лицам.

Круг отмеченных проблем требует комплексного подхода к их решению с точки зрения теории уголовно-правовых наук, законодательства и практики его применения. В числе первоочередных мер видится необходимым конкретизировать диспозицию ст. 305 УК РФ, указав в ней, что неправосудность судебного акта должна быть установлена судом вышестоящей инстанции путем его отмены в предусмотренном процессуальным законом порядке, приведя ее тем самым в соответствие с ч. 8 ст. 448 УПК РФ, а также с отмеченной выше позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 18.10.2011 № 23-П. Такого же пристального внимания требует исследование вопросов об объективной и субъективной сторонах данного преступного деяния, санкциях и практике назначения наказания, об особенностях возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел данной категории, проблемах дисциплинарной ответственности судьи, совершившего его, и вопросах прекращения его статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветков Ю. А. Что такое правосудие вообще и уголовное правосудие в частности // Мировой судья. 2023. № 12. С. 13–20.
2. Колоколов Н. А. Российское правосудие в условиях новой правовой реальности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 2. С. 47–56.
3. Бозров В. М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // Российский судья. 2020. № 2. С. 39–50.
4. Романенко Н. В. Вынесение приговора в отношении судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 2 (16). С. 53–60.
5. Романенко Н. В. Осуществление уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации: проблемные вопросы теории и правоприменительной практики. М., 2018. 416 с.
6. Карташов А. Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 171 с.
7. Титова А. В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. 27 с.
8. Пономарев В. Г., Рожнов А. П. Вынесение заведомо неправосудного судебного акта (статья 305 УК РФ): криминологическая характеристика личности преступника // Отечественная юриспруденция. 2015. № 2 (2). С. 21–26.
9. Зенина Л. С. Вопросы разграничения вынесения заведомо неправосудного судебного решения с преступлениями против личности (статьи 128 и 154 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 267–272.
10. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.
11. Криминология : учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2022. 800 с.
12. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII. М., 2024. 276 с.
13. Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 505 с.
14. Иванов А. О. К вопросу об объективных признаках вынесения заведомо неправосудного судебного акта // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 99–102.
15. Пикуров Н. И. «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4 (117). С. 67–74.
16. Романенко Н. В. Проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности и применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, обладающих статусом судьи : моногр. М., 2017. 144 с.
17. Романенко Н. В. Организационно-правовая модель уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации. М., 2020. 304 с.
18. Романенко Н. В. Судейская преступность в современной России: миф или реальность? // Мировой судья. 2017. № 7. С. 21–26.
19. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 544 с.
20. Идрисов К. Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного расследования и суда : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 262 с.

21. Павлов В. Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 87–116.
22. Зацепин А. М. Признаки дополнительной квалификации преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 116–122.
23. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 490 с.
24. Джинджолия Р. С., Бабаев Р. Г., Бабаев Э. Р. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. М., 2022. 334 с.

REFERENCES

1. Tsvetkov Iu.A. What is justice in general and criminal justice in particular. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2023, no. 12, pp. 13–20. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Russian justice in the conditions of a new legal reality. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.).
3. Bozrov V.M. The essence, content and form of justice in criminal cases in the Russian legal science: general and special. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.).
4. Romanenko N.V. Sentencing in respect of judges. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 2 (16), pp. 53–60. (In Russ.).
5. Romanenko N.V. *Osushchestvlenie ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii: problemnye voprosy teorii i pravoprimeritel'noi praktiki* [The existence of criminal proceedings against judges in the Russian Federation: problematic issues of theory and law enforcement practice]. Moscow, 2018. 416 p.
6. Kartashov A.Iu. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: diss. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2004. 171 p.
7. Titova A.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2010. 27 p.
8. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Pronouncing a deliberately unlawful judicial act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological characteristics of the criminal's personality. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Russian Jurisprudence*, 2015, no. 2 (2), pp. 21–26. (In Russ.).
9. Zenina L.S. Issues of distinguishing between the issuance of a deliberately unjust judicial decision and crimes against the person (articles 128 and 154 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 7, pp. 267–272. (In Russ.).
10. Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii* [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation]. Volgograd, 1999. 268 p.
11. *Kriminologiya: ucheb.* [Criminology: textbook]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Eminova V.E. Moscow, 2022. 800 p.
12. Lebedev V.M. *Kommentarii k Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 tomakh. T. 4. Osobennaya chast'*. *Razdely X–XII* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Vol. 4. Special part Sections X–XII]. Moscow, 2024. 276 p.
13. Borovikov V.B. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': ucheb. dlya vuzov* [Criminal law. Special part: textbook for universities]. Moscow, 2024. 505 p.
14. Ivanov A.O. On the issue of objective signs of a deliberately unlawful judicial act. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2011, no. 14, pp. 99–102. (In Russ.).
15. Pikurov N.I. Reliable knowledge as an element of the design of a criminal law norm: problems of qualification. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 4 (117), pp. 67–74. (In Russ.).
16. Romanenko N.V. *Problemnye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti i primeneniya mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii lits, obladayushchikh statusom sud'i: monogr.* [Problematic issues of the implementation of operational investigative activities and the application of measures of criminal procedural coercion against persons with the status of a judge (monograph)]. Moscow, 2017. 144 p.
17. Romanenko N.V. *Organizatsionno-pravovaya model' ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii* [Organizational and legal model of criminal proceedings against judges in the Russian Federation]. Moscow, 2020. 304 p.
18. Romanenko N.V. Judicial crime in contemporary Russia: myth or reality? *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2017, no. 7, pp. 21–26. (In Russ.).
19. *Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov* [Criminology: textbook for universities]. Ed. by Malkov V.D. Moscow, 2011. 544 p.
20. Idrisov K.R. *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda: diss. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against justice committed by officials of the bodies of preliminary investigation and trial: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2007. 262 p.
21. Pavlov B.G. Qualification of crimes against justice with a special subject. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2007, no. 3, pp. 87–116. (In Russ.).
22. Zatselin A.M. Elements of additional qualification of crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 116–122. (In Russ.).
23. Zatselin A. M. *Dopolnitel'naya kvalifikatsiya prestupleniya: doktrina i praktika: dis. d-ra yurid. nauk* [Additional qualification of a crime: doctrine and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2022. 490 p. EDN GTDWR.
24. Dzhindzholiya R.S., Babaev R.G., Babaev E.R. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie* [Criminal law. General part: textbook]. Moscow, 2022. 334 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени А. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

NATAL'YA V. ROMANENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after A.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Статья поступила 17.02.2025

